

Олег Айрапетов

«В тени богов» Доминика Ливена*

Oleg Airapetov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

«In the Shadow of Gods» by Dominic Lieven

DOI: 10.31857/S2949124X23020177, EDN: BKTNLI

Профессор Кембриджского университета Доминик Александрович Ливен хорошо известен в научном сообществе своими работами по истории Российской империи, изданными на разных языках. Бывая в Москве, он всегда находит время, чтобы встретиться со студентами и аспирантами МГУ. Много лет назад, на конференции в Токио, посвящённой 100-летию русско-японской войны, делясь своими планами, он говорил мне, что в книге о таком явлении, как императорская власть, подведёт итоги своей исследовательской работы. А 7 июня 2022 г. вышла его новая монография «В тени богов. Император в мировой истории». Она сразу же привлекла к себе внимание англоязычных читателей и несомненно заинтересует русских историков.

Книга об императорах писалась в разгар пандемии ковида человеком, выросшим на развалинах империй, в том месте близ Фуджи, которое автор называет «исследовательским раем» (оно хорошо знакомо читателям его работ). Там автору было проще ощущать себя в центре «разгула конфликтующих идентичностей и лояльностей», оставаясь прежде всего «британским и специфически кембриджским историком» (р. III). И это помогало ему соблюдать *principium comparationis* в научном анализе.

Книга состоит из вступления и 17 глав, последняя из которых является послесловием. Роль универсального

введения в тему исследования играет первая глава «Быть императором». Нельзя не согласиться с автором — вплоть до сегодняшнего дня монархия сохраняет известную привлекательность и даже мистическую притягательность, хотя XX в. был беспощаден к монархиям, и особенно пострадали империи. В настоящее время остался лишь один император, власть которого к тому же сохраняет оттенок сакрального происхождения — это микадо Японии (р. 4). Очевидно, такой отбор, совершённый временем, не случаен.

Главный вопрос, над которым размышляет Ливен: как человек (чаще всего — мужчина), наследственный монарх и правитель, осуществлял свою власть, делавшую его лидером и составлявшую сущность лидерства? Как удавалось избегать её развращающих соблазнов? Ссылаясь на наблюдения известного исследователя лидерских качеств и практикующего клинического психиатра М. Кетса де Вриеса, автор пишет, что в каждом сидит его «внутренний волк», готовый при малейшей возможности вырваться на волю и «начать пожирать всех, кто стоит у него на пути». И обучение императора было нацелено, в частности, и на то, чтобы научиться «контролировать волка и даже превратить его в пастушечью собаку» (р. 6).

Для этого, разумеется, требовалось умение подбирать мудрых и верных советников и сотрудников, что

* Lieven D. In the Shadow of the Gods. The Emperor in World History. N.Y.: Viking, 2022. 528 p.

при любом дворе, где соперничество неизбежно сопровождалось интригами и наущничеством, было непросто. Основатели династий нуждались также в макиавелизме и веберовской «харизме». Однако наследственным монархам чаще приходилось подчинять проявления своей личности династическим интересам. Их власть покоилась на порядке, стабильности и привычке. Напротив, харизматичные проповедники нередко становились кошмаром для императоров, особенно на Востоке (р. 6–12).

Ливена интересуется преимущественно специфика политики наследственных монархий, в которых семьи обладали властью на протяжении поколений, что сказывалось, конечно же, и на характере семейных отношений. Братья становились ближайшими друзьями или соперниками, чья вражда и борьба за трон могли иметь драматические последствия не только для прочности, но и для выживания династий. В то же время императрицы, в том числе и вдовствующие, порою заметно влияли на своих мужей и сыновей. Это имело место даже в начале XX в., когда соперничество жены и матери Николая II приводило к тому, что две женщины, придерживавшиеся диаметрально противоположных политических стратегий, поддерживали разных кандидатов на высшие должности. Причём первые десять лет царствования Николай II находился скорее под влиянием матери, а в последнее десятилетие больше прислушивался к жене (р. 12–13).

В момент кризиса супруги правителей нередко превращались для подданных в объект ненависти, дискредитирующий монархию. Примером тому служат королевы Генриетта-Мария и Мария-Антуанетта и императрица Александра Фёдоровна, которым довелось жить во время революций. Характерно, что все они были иностран-

ками и воспринимались подданными как представительницы враждебных держав. Тут «ксенофобия сочеталась с женоненавистничеством», видевшим в женщине носительницу греховного начала и распутства, а надуманные обвинения в государственной измене дополнялись столь же несправедливыми упреками в супружеской неверности. Впрочем, это была очень давняя традиция. Ведь ещё в XIII в. королеве Бланке Кастильской, матери Людовика Святого, её противники приписывали интимную связь с папским легатом (р. 15–16).

Ливен учитывает опыт разных монархий, но только Китаю он посвятил три главы своей книги, признавая тем самым значение, длительность и уникальность имперского прошлого этой страны (р. 28). Однако «колыбель империи» автор ищет на Ближнем Востоке, где в глубокой древности появились «первые императоры мира» (р. 40–50). Во второй главе им анализируются шумерские, аккадские и эламские традиции, а Ассирия рассматривается уже как первый образец того государственного устройства, о котором и пойдёт речь в основной части исследования. Во всяком случае, основной принцип его был чётко схвачен в цитируемой древнеассирийской поговорке: «Народ без царя — как стадо без пастуха, толпа без надсмотрщика, вода без трубы... дом без хозяина и жена без мужа» (р. 40).

Однажды Доминик Александрович заметил, что чем бы ни занимался русский историк, его мысли непременно вращаются вокруг случившегося в 1917 г. Но и британский, специфически кембриджский исследователь, даже погружаясь в древнеегипетские сюжеты, постоянно вспоминает о Николае II и рассуждениями о его царствовании завершает главу о ближневосточных древностях (р. 50). В следующих главах в поле

зрения автора оказываются персидские и македонские, римские, индийские и китайские варианты имперскости или императорства («*emperorship*»), влияние кочевников на формы государственности в Евразии — от Китая до Балкан, предельно вселенская империя («*ultimate universal empire*») халифата и первые всемирные императоры («*global emperors*») Карл V и Филипп II, а также османские султаны, являвшиеся одновременно императорами и халифами.

Россия при этом упоминается неоднократно, но непосредственно о ней говорится лишь в 14-й главе «Романовы — династические, русские, европейские и евразийские императоры» (р. 313–352). Правда, начинается она с краткого обзора государства Рюриковичей. Ливен отмечает особую важность конфессионального фактора в судьбе страны, чьи правители после захвата Константинополя турками в 1453 г. остались единственными независимыми православными монархами. Но при этом киевского митрополита автор почему-то называет патриархом, переехавшим в XIV в. в Москву (р. 314). Естественно, положение России во многом определялось её протяжённостью, удалённостью от основных торговых путей и центров средиземноморской культуры, малочисленностью населения. Сравнительно редкие русские города сильнее зависели от княжеской власти, чем европейские. Всё это вело к мобилизационной системе управления — высокому уровню налогов, закреплению крестьян и одновременно заставляло пробиваться к берегам Балтики, Каспия и Чёрного моря (р. 316–317).

Необходимость сражаться сразу на западе и на востоке, преодолевая технологическую отсталость от европейцев, не способствовала установлению в России «модели свободы». По мнению Ливена, многое сближало её

с Османской империей, хотя русские правители (особенно в XVIII в.) лучше использовали имевшиеся у них человеческие ресурсы. Вместе с тем ни Пётр I (р. 319–333), ни Екатерина II (р. 334–341) не пытались разорвать союз царской власти и аристократии и только меняли культуру правившей вместе с монархом элиты. В результате даже при Николае II примерно треть высших должностных лиц принадлежала к фамилиям допетровской знати (р. 320–321).

Ливен уверен, что Россия достигла своего расцвета в «длинном XVIII веке» — с 1689 по 1815 г. (р. 322). Но как его хронологические рамки соотносятся с «длинным XIX веком» 1789–1914 гг.? И нет ли тут доли личных симпатий? Ведь именно со времён Екатерины II Россия стала для остзейских Ливенов «их Эльдorado» (р. 346). Во всяком случае, включённый в главу рассказ о графинях Шарлотте и Доротее фон Ливен звучит довольно трогательно (р. 341–345).

Александр I представлен в книге «одним из самых умных, сложных и удивительных правителей в русской истории» (р. 347). В его жизни действительно было немало поразительного и символического. Воспитанный на классических образцах античных монархов — от Александра Македонского до Марка Аврелия, он мечтал об единении на Рейне, о мире и филантропических реформах, но в делах внутренней политики не преуспел, зато был вынужден вести в 1803–1814 гг. шесть войн и стать Агемемоном Европы, превратившись со временем из 23-летнего рационалиста в 48-летнего мистика (р. 347–348).

Сравнение Первой опиумной и Восточной войн едва ли можно признать корректным. Экспедиция в Крым отнюдь не являлась для британцев и французов лёгкой триумфальной прогулкой. В конфликт в той или

иной мере втянулись все великие державы. Россия, безусловно, потерпела поражение, хотя и не была разгромлена. Тем не менее заметное технологическое отставание вновь потребовало модернизационного рывка, предпринятого в правление Александра II. После проведённых тогда преобразований экономика империи, как считает Ливен, развивалась вполне успешно, и проблемы были связаны скорее с обновлением её политического строя (р. 352).

Однако такой показатель доступности медицины и качества жизни, как уровень детской смертности, в России и на рубеже XIX–XX вв. оставался чрезвычайно высоким. В 1890 г., накануне голода, в 50 губерниях Европейской России умерли 3130 996 человек (в том числе 1882 809 младенцев до 5 лет и 176850 детей от 5 до 10 лет)¹. Крестьянство (более 80% населения) оставалось в массе своей неграмотным или полуграмотным (р. 422). Положение деревни было плачевным, о чём свидетельствовали недоимки по выкупным платежам. На 1 января 1897 г. они составляли 94 млн руб., на 1 января 1898 г. — 104 млн руб. В 1903 г. государственный контролёр настаивал на том, «что одной пересрочки или отсрочки выкупного долга недостаточно для поддержания хозяйственного быта крестьянского населения», и добивался «соответственного понижения самих норм выкупных платежей»². Коллежский асессор А.А. Клопов в 1899 г. писал Николаю II: «При среднем урожае крестьяне едва обеспечены насущным хлебом. Страшная смертность между детьми от дурного питания и заразных болезней, сильная распространённость сифилиса, жалкий вид жилищ, убогость одежды, скудное пропитание, частые пожары, грубое невежество — такова общая характеристика нашей деревни, таково положение сельской России.

А на долю её приходится 90 процентов всего нашего народонаселения, или 115 миллионов»³. Даже в 1914 г. среднедушевой доход в России находился на дне того, что Ливен называет Вторым миром Европы. Конечно, империя быстро развивалась, но становилась ли от этого лучше жизнь крестьян, и что им могло дать торжество парламентской монархии? Те из них, кто родился в 1885–1890 гг., в детстве пережили голод, в юности — первую революцию, в молодости — мировую войну. Едва ли в 1917 г. они могли сильно сожалеть о падении самодержавия. Но опыт XX в. отнюдь не доказывает неизбежности установления такой системы, при которой представительные учреждения осуществляют реальный контроль над исполнительной властью (р. 423).

В 15-й главе «Европа на пороге Нового времени: Габсбурги, Французская революция и Наполеон» говорится преимущественно о борьбе за господство в Германии (р. 353–388). Затем в 16-й главе «Императоры и Новое время» автор прослеживает «стратегии выживания» Британской, Российской и Германской империй в 1815–1945 гг. (р. 389–443). В одной из них сложилась конституционная монархия, в другой сохранялось традиционное «сакрализованное и аристократическое правление», в третьей создали гибрид этих форм государственного устройства.

С XVIII в. началось развитие независимых от правительств групп и институтов гражданского общества. В XIX в. уже ни одна династия не могла себе позволить игнорировать их. В XX в. национализм и социализм довольно успешно боролись с монархическим традиционализмом. Габсбурги пытались найти в национальных элитах союзника (р. 390), но особого успеха не имели, а знаменитый «компромисс» 1867 г. с венграми вызвал

цепную реакцию националистических движений, в конечном итоге погубивших Дунайскую монархию. В 1914 г. правящие круги Австро-Венгрии понимали неизбежность конца, что во многом и объясняло их «безрассудную решимость» действовать. Страх перед тем, что промышленная революция вскоре превратит Россию в гегемона Европы, заметно влиял на позицию верхов Германии. Результатом стал последний акт долгой истории традиционных монархий – война, похоронившая Австро-Венгерскую, Германскую, Российскую и Османскую империи (р. 391–392). Из традиционных имперских династий после этого сохранились только Британская и Японская. Одну хранили либеральные учреждения, другую – божественное происхождение (р. 439), заимствованная у Германии конституция (р. 442) и невмешательство микадо в процесс принятия политических решений (р. 442–443). К 1945 г. из всех монархов, которых можно было бы считать императорами, остался один Хирохито. Япония оказалась единственной азиатской страной, которая смогла освоить европейские технологии и применить их на практике. Её капитуляция поставила точку в истории того, что прежде называлось империями (р. 389). Ни одна из них не пережила прошлое столетие. Империи Хайле-Селассие или Пехлеви уже не могли претендовать на особую роль в продолжении данной традиции (р. 393).

Царствование Николая II характеризуется в книге достаточно традиционно для западной историографии. Удивительно лишь то, что автор не упоминает о попытках преобразований в деревне, от успеха или неудачи которых во многом зависел исход противостояния монархистов и либералов. Если Александр II был убеждённым консерватором, понимавшим как необходимость, так и опасность

реформ, то Николай II, будучи «европейским джентльменом», являлся гораздо большим «русским националистом», семьянином и православным христианином, чем его дед. Он верил в необходимость для России «авторитарного режима» (р. 424) и вряд ли ошибался в этом, не сомневался в преданности крестьянства монархии и разделял славянофильские идеалы.

Славянофильство Ливен, как и большинство западных исследователей, признаёт консервативной идеологией (р. 425). На рубеже XIX–XX вв. к ней всё чаще примешивался входивший в моду в Европе антисемитизм. Ливен даже полагает, что в случае победы белых в Гражданской войне в России могло появиться нечто, напоминающее итальянский фашизм (р. 426), хотя он как раз поначалу не имел явного антисемитского оттенка. Так или иначе, отдельные черты корпоративного государства автор находит в трактате Л.А. Тихомирова «Монархическая государственность» (р. 427).

Параллели, которые Ливен усматривает между процессами, протекавшими в России и в Европе в начале XX в., весьма интересны и полезны для понимания контекста политики Николая II. Важнейшими её элементами в первое десятилетие царствования Ливен считает полицейский социализм, призванный поставить под контроль рабочее движение, и экспансию на Дальнем Востоке, с которой император связывал будущее России. При этом вероятность и последствия столкновения с Японией в Маньчжурии и Корее явно недооценивались (р. 430–431).

Как утверждает Ливен, именно проигранная война привела к революции 1905 г. Но разве победа в ней могла бы существенно повлиять на аграрное, рабочее, национальное или либеральное движения, с которыми

пришлось столкнуться самодержавию? А это столкновение и привело к созданию Думы, не решившей ни одной из проблем, вызвавших революцию. Таким образом, к 1914 г. «основная дилемма, стоявшая перед Николаем с тех пор, как он унаследовал трон, обострилась, но не была фундаментально изменена» (р. 431). Затем, уже во время войны, от режима дистанцировались почти все, даже «министры потеряли доверие к Николаю II и его политической линии». К началу 1917 г. император оказался изолирован, а монархия обречена. Впрочем, Ливен справедливо отмечает, что на деле ситуация была несколько сложнее: царю приходилось принимать решения в обстановке, когда правые советники постоянно предупреждали об опасности революции в случае либерализации управления, а «прогрессивные» критики правительственного курса заявляли нечто диаметрально противоположное. В целом, Ливен убежден в том, что если бы не война, Российская империя дожила бы до 1920-х гг. (р. 431–432). Однако данное утверждение принадлежит всё же к категории гадательных.

В «Заключении» автор переходит от истории к современности. При этом черты, характерные для империй прошлого, он обнаруживает только

у Индии и Китая, а сочетание силы нации с мощью империи — лишь в КНР (р. 445–446). Вооружённый конфликт между Пекином и Вашингтоном кажется Ливену невероятным, но «невероятное — не значит невозможное» (р. 446). Особенно когда экономическая борьба перешла в идеологическую (р. 447). Завершающие книгу рассуждения о недостатках Д. Трампа и антисемитизме (р. 450–451) выглядят как дань диктату политкорректности «свободного мира». Но в одном автор безусловно прав — мы по-прежнему живём в опасном мире, в котором каждый день может стать последним.

Примечания

¹ Смертность в других возрастных категориях до 45 лет колебалась от 55 до 58 тыс., поднималась до 63 тыс. в 45–50 лет и далее становилась ещё выше. См.: Статистика Российской империи. Вып. XXXIII. СПб., 1895. С. III; Ведомость о числе умерших лиц православного исповедания с показанием их лет за 1890 год // Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1890 и 1891 год. СПб., 1893. С. 177.

² Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1902 год. СПб., 1903. С. 49–50.

³ Тайный советник императора / Сост. В.М. Крылов, Н.А. Малеванов, В.И. Травин. СПб., 2002. С. 14.